

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРАВ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования законодательной базы Китайской Народной Республики в сфере регулирования языковых отношений и дается анализ основных проблем, связанных с защитой лингвистических прав. В качестве контекста данной темы исследуется история становления концепции лингвистических прав на международном уровне в 1990-е гг. Автором проанализированы основные международно-правовые акты, содержащие соответствующие нормы.

В основной части изучены путем сплошной выборки статьи ныне действующих законодательных актов КНР, которые каким-либо способом регулируют языковую ситуацию и статус языков. На основе их анализа сделаны выводы о недостаточной проработанности и неконкретности содержащихся в них норм.

На примере межэтнических конфликтов автором показано, как технологии имплементации языкового законодательства создают препятствия в налаживании отношений с национальными меньшинствами, заставляя их считать свои права ущемленными.

В качестве специфической проблемы языковых отношений в КНР выделен вопрос о статусе диалектов китайского языка. Исследование собранного нормативного материала показало, что неравноправный статус языка и диалектов ведет к практическому неравноправию граждан страны.

В целом сравнение ситуации с защитой лингвистических прав в Европе и Китае позволяет сделать вывод о том, что в то время как на западе широкий интерес к данной теме угасает, в КНР она все более актуальна.

Ключевые слова: Китай, КНР, права человека, лингвистические права, языковая политика, конституционное право, международное право.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.115-125

Лингвистические права как разновидность личных прав человека являются относительно новой проблемой в юридической науке. Законодательное закрепление этих прав на международном уровне произошло только в 1990-е гг. Тем не менее сам факт такого закрепления подчеркивает уже тогда возросшую актуальность этой темы в современном мире. Сейчас же, в условиях победившей глобализации, вопрос о защите прав человека на использование и развитие своего языка стоит особенно остро. Сегодня

язык, а точнее манипуляции с ним, является таким же инструментом политики, как регулирование межнациональных или межклассовых отношений. Языковая принадлежность может быть таким же средством общественной дифференциации и даже дискриминации, как религиозная принадлежность или принадлежность к роду деятельности, причем как на бытовом, так и на официальном уровне.

Тесная связь языка с национальным вопросом придает еще большую актуальность

© Клиновский В. А., 2018

* Клиновский Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения стран Азии Восточного института Бурятского государственного университета klyn87@mail.ru

670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, д. 7

данной теме. Проблема сохранения языков национальных меньшинств в многонациональных государствах является очень острой и играет важнейшую роль в поддержании отношений между властью и национальными меньшинствами. Очень часто ущемление именно лингвистических прав становится катализатором межнациональных конфликтов.

Исходя из всего вышесказанного, права на использование и развитие своего языка являются сегодня не менее важными для сообщества, чем, например, права в сфере религиозной деятельности. В данной статье подробно изучен процесс становления института лингвистических прав в Китайской Народной Республике, обозначены основные особенности языковой ситуации в стране и выделены главные проблемы в сфере защиты этих прав.

С момента своего образования в 1949 г. Китайская Народная Республика прошла очень сложный путь формирования законодательства. Государство пережило несколько радикальных изменений правовой доктрины, последнее из которых приходится на период окончания «великой пролетарской культурной революции» в конце 1970-х гг. Ныне действующая Конституция КНР вступила в силу только в 1982 г., после чего началась масштабная ревизия законов эпохи Мао Цзэдуна, большинство из которых были полностью переписаны. Как следствие, современная система законодательства Китая является достаточно «молодой», опережая законодательство России всего на одно десятилетие. В связи с этим многие отрасли права КНР до сих пор до конца не проработаны. Для Китая в 80-х и 90-х гг. прошлого века были характерны проекты очень долгосрочных реформ, осуществлять которые предполагалось нескольким поколениям партийного руководства, например, программа четырех модернизаций Дэн Сяопина. Власти,

проводя политику «реформ и открытости» в 1980-е гг., действовали очень поступательно и очень осторожно, постепенно узаконивая право на отдельные виды частной собственности и предпринимательской деятельности. Развал СССР еще прочнее убедил руководство страны в том, что слишком резкий переход от тоталитарного контроля к развитию гражданских прав и свобод чреват для государства опасным шоковым эффектом, который, в частности, произвела перестройка в Советском Союзе¹.

По этим причинам многие нормативные правовые акты, регулирующие отдельные виды прав и свобод граждан, были приняты в КНР даже позже, чем в Российской Федерации. Законодательство в сфере регулирования статуса языка и защиты лингвистических прав граждан также проработано в значительно меньшей степени. В КНР до настоящего времени отсутствуют аналоги российских законов о государственном языке² и о языках народов страны³.

В самом широком смысле лингвистические права можно определить как совокупность индивидуальных и коллективных прав на выбор языка общения на официальном или бытовом уровне.

До 1990-х гг. эти права не были закреплены ни одним специальным нормативным правовым актом, хотя и затрагивались в нескольких международных договорах, в том числе в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.⁴ (ст. 27) и Конвенции о правах ребенка 1990 г.⁵ (ст. 30). В 1990 г. на фоне деглобализации международных отношений и процесса дробления государств интерес к проблеме лингвистических прав повысился. Попытки их регулирования нашли отражение в Европейской хартии региональных языков 1992 г.⁶ и в Рамочной

¹ Смирнов Д. А. Китайские политологи о причинах распада СССР // Образ Китая в современной России. М., 2007. С. 297—302.

² Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

³ Закон РФ от 25 октября 1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 126.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

⁵ Конвенция о правах ребенка, 1990 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

⁶ Европейская хартия региональных языков, 1992 г. // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets148.html> (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

конвенции о защите национальных меньшинств 1995 г.⁷

Фундаментальным документом в этой области могла стать составленная в 1996 г. Всемирная декларация лингвистических прав⁸ (часто называется Барселонской декларацией — по месту принятия). Именно в ней впервые была предпринята попытка на законодательном уровне закрепить определение языкового сообщества и перечень прав в сфере использования и развития языков. Инициатором составления декларации выступила международная правозащитная организация ПЕН-клуб. Несмотря на широкую поддержку со стороны членов Совета Европы декларация так и не была ратифицирована Генеральной Ассамблеей ООН. И до настоящего момента она по-прежнему носит характер проекта и не имеет юридической силы.

По этой причине единственным официально действующим международным договором, охраняющим лингвистические права, является Европейская хартия региональных языков. Она, однако, всего лишь определяет перечень средств, которыми ратифицировавшие ее страны могут регулировать статус языков национальных меньшинств. Кроме того, эта Хартия является не глобальным, а региональным актом всего с 25 странами-участницами, большинство из которых находятся в Восточной Европе. И само принятие этой Хартии было попыткой усилить контроль над соблюдением прав этнических меньшинств именно в указанном регионе после обретения независимости бывшими советскими республиками и на фоне нарастающих военных конфликтов в Югославии.

Что же касается проекта всемирной декларации лингвистических прав, то в качестве основного носителя таких прав она предполагала рассматривать языковое сообщество. Под языковым сообществом, в свою очередь, в документе понимается «любое человеческое общество, исторически сложившееся на определенной территории (независимо от того, признано это пространство или нет), которое отождествляет себя с народом и развило общий язык как естественное средство общения и культурного сплочения между его членами»⁹.

В этой формулировке находит отражение одна ключевая особенность типичного понимания лингвистических прав почти в любом государстве. Язык на бытовом уровне считается атрибутом именно этнических сообществ, и защита лингвистических прав сводится к защите прав национальных меньшинств. При таком подходе, в частности языковая политика, проводимая в стране, автоматически становится элементом национальной политики и не воспринимается как самостоятельное явление.

Таким образом, Всемирная декларация лингвистических прав подразумевает, что субъектом лингвистических прав может быть только народ, осознающий себя таковым и объединенный одним общим языком. А объектом лингвистических прав, по смыслу документа, является только язык. В тексте декларации ничего не говорится об идиомах более низкого порядка. т.е. никак не решен вопрос о том, являются ли, к примеру, диалекты и наречия одного языка объектами лингвистических прав и являются ли носители диалектов субъектами таких прав. Авторы декларации просто не учитывают того, что диалекты некоторых языков могут крайне сильно отличаться друг от друга вплоть до невозможности взаимного понимания их носителей. Это составляет серьезную проблему для определения субъектов языковых прав в Китайской Народной Республике.

Отчасти эти, как и некоторые другие недочеты, в итоге помешали официальному принятию Всемирной декларации лингвистических прав Организацией Объединенных Наций. Тем не менее она выявила высокую степень актуальности проблемы лингвистических прав в современном мире и создала достаточную теоретическую базу для совершенствования законодательства в этой сфере в рамках отдельных стран.

Интересно то, что с середины 1990-х гг. на международном уровне больше не предпринималось попыток принять какие-либо нормативные правовые акты, регулирующие лингвистические права индивидов и сообществ. Интерес к данной теме на тот момент был продиктован активным процессом складывания многополярного мира, образования новых го-

⁷ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, 1995 г. // URL: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets157.html> (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

⁸ Всемирная декларация лингвистических прав, 1996 г.

⁹ Universal Declaration of Linguistic Rights, 1996. Article 1 // URL: <http://www.linguistic-declaration.org/versions/angles.pdf> (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

сударств в Европе после распада социалистического лагеря. Однако этот интерес также быстро угас. В результате в 2000-е гг. обсуждение возможного принятия универсального международного договора, декларирующего лингвистические права, приостановилось.

Можно заключить, что лингвистические права как отдельная область личных прав человека по-прежнему очень плохо проработаны в международном праве. Недостаток нормативной базы в этой области ведет к отсутствию какого-либо единого механизма защиты этих прав. Сегодня язык, как и 20 лет назад, юридически считается одним из свойств национальности, и технологии правового регулирования языковых отношений изучаются почти исключительно в рамках национальной политики.

Стоит отметить, что из всех перечисленных выше международных договоров, затрагивающих в различной степени лингвистические права, Китайская Народная Республика до настоящего момента ратифицировала только Конвенцию о правах ребенка, содержащую лишь одну статью, прямо относящуюся к языку, которая гласит: «В тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»¹⁰. Текст данной статьи не дает никаких конкретных указаний по защите прав человека на использование родного языка.

Государство, образованное в 1949 г., с самого начала не признало Всеобщую декларацию прав человека. Она была принята годом раньше, когда у власти все еще находилось националистическое правительство Чан Кай-ши, а страна носила официальное название «Китайская Республика». КНР, в свою очередь, не считала себя правопреемником, и новое правительство объявило недействительными на территории континентального Китая все соглашения, заключенные прежними властями.

Как следствие, КНР так и не ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., который был обязательным для всех стран, участвовавших в голосовании за принятие декларации (хотя и подписала его).

Правовой статус языка в Китае закреплен Конституцией и рядом специальных законов и имеет характерные особенности¹¹.

Во-первых, в Конституции КНР отсутствует статья, прямо закрепляющая государственный язык. То есть юридически никакой язык в стране не является государственным¹². Такая постановка вопроса связана с желанием властей обеспечить формальное равенство всех языков в стране. Несмотря на это, нельзя не понимать того, что в действительности китайский язык — основное средство общения на территории всей страны. Именно на нем осуществляется телевизионное и радиовещание, это язык подавляющего большинства образовательных учреждений. То есть де-факто китайский язык является государственным языком КНР и официальным языком работы управленческих структур страны.

Во-вторых, в Конституции, как и во всех прочих законах КНР, отсутствуют как термин «государственный язык» (кит. 国语 — гоюй), так и формулировка «официальный язык» (кит. 官方语言 — гуаньфанюйянь). Вместо них в Конституции используется единственное определение — «общеупотребительный» (кит. 通用 — тунъюн). Эту особенность можно толковать по-разному. Наиболее вероятно, что власти страны не хотят использовать словосочетание «государственный язык» из-за его явного национального содержания и стремятся как можно больше формализовать статус китайского языка, дабы он не воспринимался как фактор культурного доминирования ханьской национальности над национальными меньшинствами. Общеупотребительным же языком является так называемый «стандартный китайский», или «путунхуа» (кит. 普通话 — досл. «обычный язык»), представляющий собой литературную форму языка, искусственно созданную на основе мандаринского диалекта.

¹⁰ Конвенция о правах ребенка, 1990 г. Ст. 30 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

¹¹ Клиновский В. А. Конституционный статус языка в Китайской Народной Республике // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 118—125.

¹²中华人民共和国宪法. 1982 第五届全国人民代表大会第五次会议通过 ; 1988修正 ; 1993修正 ; 1999修正 ; 2004修正 // 法律法规全书. 北京, 2010.

Статья 4 основного Закона КНР содержит перешедшее в нее из прежних конституций положение о том, что «все народы обладают свободой использовать и развивать свои языки и письменность».

Конституция 1982 г. отличается от предыдущих главным образом тем, что в ней впервые в современной истории страны появляется статья, в которой регламентируется статус китайского языка. Раньше он считался государственным по умолчанию, и это не требовало никаких дополнительных разъяснений в законодательстве. Но с началом экономических и политических реформ в Китае возникла необходимость ускорить процесс перехода китайского языка в статус языка межнационального общения на всей территории страны. Естественным образом этот процесс протекал крайне медленно вследствие прекращения языковых реформ в период «культурной революции». С этой целью в Конституцию КНР была введена ст. 19, которая гласит: «Государство содействует распространению путунхуа, являющегося общеупотребительным на территории всей страны»¹³.

Следующим по значимости в исследуемой области является Закон КНР «Об общеупотребительном языке и письменности»¹⁴. Этот нормативный правовой акт, вступивший в силу в 2000 г., является основным законом, регулирующим языковые отношения на территории страны. Он состоит из 28 статей и делится на четыре главы: «Общие положения», «Использование общеупотребительного языка и письменности», «Управление и контроль», «Приложение». Статьи 2 и 3 в целом повторяют содержание норм о статусе языка, прописанных в Конституции, но несколько расширяют его. К положению о том, что «государство содействует распространению наречия путунхуа» добавляется следующее: «государство со-

действует распространению унифицированной письменности». Под последней понимаются современные упрощенные иероглифы, перечень которых одобрен Госсоветом КНР¹⁵.

Статья 4 данного Закона обязывает органы местного самоуправления принимать меры по распространению путунхуа в регионах. Статья 8 копирует положение Конституции об общих лингвистических правах национальных меньшинств. В ней также указывается, что сфера употребления национальных языков определяется законом КНР «О национальной районной автономии» и другими соответствующими нормативными правовыми актами.

Вторая глава Закона определяет сферы использования различных форм языка. Согласно тексту Закона стандартизированный китайский язык путунхуа и стандартизированная иероглифическая письменность являются основными: в работе органов государственной власти; в школах и других образовательных учреждениях в качестве средства обучения (учебные пособия во всех образовательных учреждениях страны также должны быть составлены на китайском языке); в телерадиовещании; в рекламе, объявлениях, на различных вывесках и опознавательных надписях в общественных местах.

Статья 16 Закона устанавливает сферу возможного применения диалектов китайского языка. Они могут использоваться: работниками государственных структур в случае необходимости для исполнения своих обязанностей; в телевизионном и радиовещании в случае, если такая мера одобрена Министерством телерадиовещания или региональным департаментом по телерадиовещанию; в произведениях театрального и киноискусства в случае необходимости; в книгоиздании, образовании и научных исследованиях в случае реальной необходимости. Здесь практически во всех

¹³ 中华人民共和国宪法. 1982第五届全国人民代表大会第五次会议通过 ; 1988修正 ; 1993修正; 1999修正 ; 2004修正// 法律法规全书. 北京, 2010.

¹⁴ 中华人民共和国国家通用语言文字法. 2000第九届全国人民代表大会常务委员会第十八次会议修订通过// 法律法规全书. 北京, 2010.

¹⁵ В 1964 г. в КНР была проведена амбициозная реформа письменности, в ходе которой для нескольких тысяч наиболее сложных иероглифических знаков были изобретены упрощенные аналоги, со временем прочно вошедшие в употребление в КНР и полностью вытеснившие старые варианты. Реформа преследовала цель уничтожить старый стиль письма как «пережиток буржуазной культуры». На деле она принесла существенный вред культурному единству китайского народа, так как на территориях, неподконтрольных в то время КНР (Тайвань, Гонконг, Макао), реформа не была принята, и там по-прежнему используются старые написания иероглифов, которые население континентального Китая в основном не понимает.

пунктах мы видим формулировку «в случае необходимости», при том, что меры этой необходимости фактически не определяются.

Статья 17 Закона устанавливает сферы и случаи допустимого использования классических (неупрощенных) иероглифов и альтернативных вариантов иероглифов. В их число входят: 1) исторические письменные памятники; 2) фамилии и личные имена граждан (при наличии альтернативных написаний и диалектных знаков в этих именах); 3) произведения каллиграфического и гравировочного искусства; 4) личные росписи, в том числе на фотографиях; 5) издательская, образовательная, исследовательская деятельность в случае реальной необходимости; 6) иные особые случаи с разрешения соответствующих органов.

Статья 20 Закона содержит положение о том, что в преподавании китайского языка иностранным гражданам, используются только путунхуа и стандартизированная иероглифика.

Третья глава Закона посвящена распределению ответственности между различными органами власти центрального и местного уровня в области контроля над соблюдением установленных норм. Четвертая глава является дополнительной и содержит единственную статью, определяющую момент вступления Закона в силу.

В целом Закон КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» достаточно полно описывает основы регулирования языковых отношений.

Упомянутый выше Закон КНР «О районной национальной автономии» содержит статьи, определяющие сферу применения языков национальных меньшинств КНР¹⁶.

Статья 10 данного Закона повторяет положение Конституции о правах малых народов на свой национальный язык, но в иной формулировке: «Органы местного самоуправления национальных районных автономий гарантируют свободу малых народов на использование и развитие своего языка». Статья 21 дает указания по использованию национальных языков в работе органов власти на местах: «Органы местного самоуправления национальных районных автономий при исполнении своих обязанностей, согласно нормативным актам местного значения, пользуются одним или несколькими языками или письменностью, распространенными в данном регионе. При

использовании нескольких языков или видов письма, распространенных в регионе, допустимо использование языка народности, непосредственно осуществляющей районную автономию, в качестве основного». Из последнего пункта можно сделать вывод, что языки малых народов занимают в Китае не совсем равное положение. Статус языка меньшинства, являющегося титульным в той или иной автономии (например, тибетцы в Тибетском автономном районе), на территории этого административного образования будет выше статуса языков других малых народов (к примеру, в Тибете это монпа, лоба и другие этнические группы).

Статья 37 данного Закона регулирует использование языков в образовании: «Школы (или отдельные классы), большинство учащихся в которых являются представителями национальных меньшинств, должны по возможности использовать учебные материалы на национальных языках и использовать эти языки в качестве средства обучения. В зависимости от конкретных условий в начальных или старших классах должны постепенно вводиться учебные материалы на китайском языке, а также должен постепенно внедряться общеупотребительный язык и стандартизированная иероглифика». Здесь следует обратить внимание на два момента. Во-первых, обучение на национальных языках в Китае, согласно законодательству, допускается не только во всей школе, но и в отдельных ее классах, где большинство учащихся — представители национальных меньшинств. Во-вторых, обязательным для школ в национальных автономиях КНР является постепенное введение китайского языка в качестве обязательного предмета на определенном этапе. В процессе обучения национальный язык в школах автономных образований постепенно заменяется китайским, на котором ведется обучение в старших классах.

Статья 47 устанавливает правило, согласно которому «народный суд и народная прокуратура района национальной автономии должны расследовать и вести дела на официальном языке данного региона, по возможности принимая на работу сотрудников, владеющих им. Лицам, участвующим в процессах, которые не владеют этими языками, предоставляется переводчик».

Статья 49 затрагивает вопрос об обучении кадров национальным языкам. «Органы мест-

¹⁶ 中华人民共和国民族区域自治法. 1984中华人民共和国主席令第十三号公布// 法律法规全书. 北京, 2010.

ного самоуправления национальных районных автономий поощряют изучение языков Китая представителями различных национальностей. Этнические ханьцы должны изучать языки малых народов региона. В свою очередь, представители малых народов, наряду с использованием национального языка и письменности, обязаны изучать общеупотребительный язык и стандартизированное иероглифическое письмо».

Наконец, статья 53 Закона КНР «О национальной районной автономии» указывает: «Правительства национальных автономных образований... должны стремиться к взаимному уважению этническими группами региона их языков».

Нормы, содержащиеся в приведенных выше статьях, объединяет одна особенность. Их действие, если строго следовать оригинальным китайским формулировкам, распространяется только на территорию национальных автономных районов, областей и уездов. Исключением является ст. 37 Закона, в которой не указывается, что речь идет только о школах, находящихся на территории автономных образований. Теоретически это означает, что национальные школы и классы могут создаваться и за их пределами, в районах компактного проживания национальных меньшинств в различных провинциях и городах страны.

Закон КНР «Об образовании», принятый в 1995 г., на 11 лет позже Закона «О национальной районной автономии», также содержит норму, согласно которой «школы и другие образовательные учреждения, обучающие преимущественно представителей малых народов, могут вести обучение на языке определенной народности или региона»¹⁷, но не упоминает национальные классы. При этом там же подчеркивается, что «китайский язык и письменность являются основными для обучения в школах и других образовательных учреждениях» (ст. 12).

Положение языков национальных меньшинств КНР отчасти затрагивается и в некоторых других законодательных актах. Упоминает об этом в том числе Закон КНР «Об авторских правах». Пункт 11 ст. 22 этого Закона допускает перевод любого письменного произведения с китайского языка на языки малых народов КНР и их издание без формального разрешения автора при условии, что он является гражданином Китая либо юридическим лицом, зарегистрированным в КНР, и перевод будет издан на территории страны¹⁸.

Кроме того, ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса КНР¹⁹, ст. 8 Административно-процессуального кодекса КНР²⁰ и ст. 11 Гражданско-процессуального кодекса КНР²¹ устанавливают, что судопроизводство по уголовным, административным и гражданским делам соответственно в районах компактного проживания национальных меньшинств должно вестись на языках этих народов.

Использование языков национальных меньшинств в судопроизводстве затрагивается в Законе КНР «Об организации судов» 1979 г. Статья 9 Закона устанавливает, что «представители всех национальностей имеют право вести судебную тяжбу на родном языке. Народные суды, народная прокуратура и органы общественной безопасности должны предоставить переводчика участникам процесса, которые не владеют языком, используемым в процессе»²².

Приведенные статьи из законодательных актов КНР отражают основы политики властей в отношении языковой ситуации и языковых сообществ. В них же прослеживаются некоторые элементы национальной политики КНР. Многие из них подвергаются критике как со стороны национальных меньшинств, так и со стороны правозащитников. Языковая политика, осуществляемая китайскими властями, действительно, довольно агрессивна, особенно в вопросе распространения общеупотребительного языка (путунхуа). Правительство ча-

¹⁷ 中华人民共和国教育法. 1995中华人民共和国主席令第四十五号公布// 法律法规全书. 北京, 2010.

¹⁸ 中华人民共和国著作权法. 1990第七届全国人民代表大会常务委员会第十五次会议通过 ; 2001修正 // 法律法规全书. 北京, 2010.

¹⁹ 中华人民共和国刑事诉讼法. 1979全国人民代表大会常务委员会委员长令第六号公布 ; 1996修正// 法律法规全书. 北京, 2010.

²⁰ 中华人民共和国行政诉讼法. 1989中华人民共和国主席令第十六号公布// 法律法规全书. 北京, 2010.

²¹ 中华人民共和国民事诉讼法. 1991第七届全国人民代表大会第四次会议通过 ; 2007修正// 法律法规全书. 北京, 2010.

²² 中华人民共和国法院组织法. — 1979全国人民代表大会常务委员会委员长令第三号公布 ; 1983修正 ; 1986修正 ; 2006修正// 法律法规全书. 北京, 2010.

сто обвиняют в навязывании китайского языка национальным меньшинствам, а законы, регулирующие статус языков, оценивают как нарушающие основные права человека. Однако именно с законодательной точки зрения никаких прямых нарушений прав человека не обнаруживается.

Например, противники распространения китайского языка в районах национальной автономии часто заявляют, что ст. 4 Закона «Об общеупотребительном языке и письменности» вступает в противоречие со ст. 4 Конституции КНР. Но по формальным критериям коллизия юридических норм в этом случае отсутствует, «содействие распространению общеупотребительного языка» со стороны органов власти напрямую не запрещает национальным меньшинствам использовать свои языки. Представители национальных меньшинств обязаны изучать стандартный китайский язык в средней школе, сдавать экзамен на владение им при поступлении в вузы, должны подтверждать владение общеупотребительным языком, если хотят работать в государственных структурах. Подобные меры нельзя считать прямым нарушением прав человека, поскольку в любом государстве знание государственного языка является необходимым для государственных служащих и представителей власти, как и наличие единого языка обучения в системе высшего профессионального образования.

Проблемы в сфере обеспечения лингвистических прав граждан Китая связаны скорее не с формой закрепления этих прав в законах, а со средствами, которые используют власти для имплементации норм законодательства.

Изначально, еще в 50-е гг. прошлого века нормативной основой популяризации общеупотребительного языка был Указ Центрального народного правительства «О распространении общеупотребительного языка», который предполагал, что к 1960 г. все население страны будет владеть государственным языком. В соответствии с этим документом он должен был сразу же начать преподаваться во всех общеобразовательных школах и во-

енных университетах, использоваться в теле-радиовещании и т.д. Однако реализацию этого проекта остановила программа «большого скачка», начавшаяся в 1958 г. Кроме того, для его реализации на тот момент попросту отсутствовали объективные условия. «Культурная революция» 1966—1976 гг. прервала в стране всякую образовательную деятельность. Когда же в конце 1970-х гг. новые власти начали проводить форсированную модернизацию экономики, оказалось, что языковая ситуация в стране с 1950-х гг. фактически не изменилась. Это было потенциальным препятствием в реализации реформ, поскольку успешно развивать технологически отсталые национальные автономии в условиях незнания местным населением государственного языка невозможно. Это, в свою очередь, заставило правительство насаждать государственный язык ускоренными темпами. В течение второй половины 1980-х гг. правительство приняло один за другим Закон «Об обязательном образовании» (1986 г.)²³, Положение о работе в сфере борьбы с неграмотностью (1988 г.)²⁴, Положение об администрировании в детских садах (1989 г.)²⁵ и другие нормативные акты, стимулировавшие распространение путунхуа, затем провело стандартизацию знаков, используемых в печати.

При этом в районах национальной автономии распространение и популяризация путунхуа проходили одновременно с массовым переселением туда китайских специалистов, поскольку квалифицированный технический персонал там отсутствовал. Вместе эти два фактора культурного давления создали серьезные проблемы в сфере межнациональных отношений.

Так, некоторые западные ученые еще 10 лет назад были склонны видеть основную причину напряженных отношений, сложившихся в последние годы между ханьцами и коренными жителями Синьцзяна уйгурами, в чрезмерном давлении на языковую ситуацию в регионе со стороны властей²⁶. Действительно, изменения в этой сфере произошли очень быстро. В ко-

²³ 中华人民共和国义务教育法. 1986中华人民共和国主席令第三十八号公布 ; 2006修正// 法律法规全书. 北京, 2010.

²⁴ 扫除文盲工作条例. — 1988 国发8号 ; 1993 修正 // URL: <http://www.jzedu.net/newsInfo.aspx?pkId=6584> (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

²⁵ 幼儿园管理条例. — 1989 中华人民共和国国家教育委员会令4号发布 // URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_620/200409/3132.html (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

²⁶ Dwyer Arienne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington, 2005.

роткие сроки регион, в котором до 1990-х гг. проживало не более 10 % ханьцев, был сильно китаизирован. Уйгурское население просто не успело адаптироваться к новым условиям. Достаточно быстро сфера государственного управления и сфера услуг во всех крупных городах были переведены на китайский язык, для изучения которого местным населением еще не были созданы условия. А введение китайского как единого языка обучения в высших образовательных учреждениях региона привело к сильной диспропорции в количестве образованных ханьцев и образованных уйгуров. Как следствие, более образованное ханьское население имеет более престижную работу и более высокие оклады. А коренное население либо может рассчитывать преимущественно на рабочие специальности, либо занято в сельском хозяйстве и торговле. Все это усиливает национальную рознь, которая постепенно становится одновременно и классовой. Возмущение необходимостью на своей территории изучать язык, который еще недавно был совершенно чужим, было так велико, что привело в прошлом десятилетии к появлению множества публицистических статей и манифестов, прямо заявлявших, что власти целенаправленно уничтожают уйгурский язык²⁷. И в настоящее время эта ситуация все еще далека от решения.

Некоторые другие проблемы в сфере защиты лингвистических прав вытекают напрямую из содержания законов. Как уже отмечалось, по их смыслу субъектом лингвистических прав в КНР являются, как и в случае с описанными ранее европейскими международными договорами, народы, т.е. национальные меньшинства. Объектом прав считаются языки. Для Китая это порождает специфическую проблему, которая для европейских государств не характерна.

Особенность китайского языка заключается в наличии в нем резко различающихся по лексическому и фонетическому строю диалектов. На китайском языке они называются 方言 — *фан янь*. Однако большинство западных

ученых считает эти диалекты самостоятельными языками. Это различие обусловлено дискуссионностью вопроса о критериях отличия языка от диалекта, который давно существует в языкознании. Однако по лингво-хронологическим и другим традиционным критериям, применяемым европейской наукой, диалекты китайского языка однозначно следует считать отдельными языками китайской группы сино-тибетской языковой семьи²⁸.

В самом Китае никакие дискуссии о статусе диалектов не допускаются, поскольку определение диалектов именно как диалектов является для страны принципиальным политическим моментом. Предложение считать их языками воспринимается в Китае как наносящее ущерб национальному единству страны. И это справедливо, ведь по логике, вытекающей из принятых в Китае определенных субъекта и объекта лингвистических прав, сообщество, говорящее на одном языке, является одним народом. Поэтому единство китайского языка во всем многообразии диалектов является залогом идеологического единства ханьского этноса как титульной нации страны²⁹. В этом состоит уникальность языковой ситуации в КНР.

В отечественной же науке традиционно поддерживалась китайская точка зрения относительно их статуса, и лишь в последнее время наметилась тенденция к выработке компромиссного подхода, в рамках которого эти языки называются уже не диалектами, а наречиями китайского языка.

Так или иначе, несмотря на то, что статус диалектов с лингвистической точки зрения можно считать весьма спорным, юридически их статус вполне однозначен: они являются региональными разновидностями одного языка. Но это не отражает реальной степени их различия. Общеизвестен тот факт, что отдельные диалекты отличаются настолько, что их носители не способны понять друг друга. И это характерно не только для разговорной, но и для письменной речи³⁰.

²⁷ Uyghur Language Under Attack: The Myth of «Bilingual» Education in the People's Republic of China // Uyghur Human Rights Project. 2007 // URL: <http://docs.uyghuramerican.org/UyghurLanguageUnderAttack.pdf> (дата обращения: 10 февраля 2017 г.).

²⁸ Клиновский В. А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.

²⁹ Указ. соч.

³⁰ Указ. соч.

Диалекты формировались в течение длительного периода (некоторые из них имеют возраст более 1 000 лет) в обособленной среде, являются неотъемлемой частью культуры своих носителей и в некоторой степени даже обуславливают специфику менталитета жителей регионов. При этом единственное упоминание диалектов в китайском законодательстве содержится в ст. 12 Закона «Об общеупотребительном языке и письменности», которая определяет сферы их допустимого употребления. При этом в числе таких сфер не названа, к примеру, сфера бытового общения. Субъект же прав на использование этих диалектов не определен, фактически им можно считать весь народ Китая.

Выходит, что для носителей диалектов, или же языков китайской группы, вообще не предусмотрены права на свои родные языки. Они как бы находятся вне сферы правового регулирования языковых отношений. А между тем агрессивная языковая политика властей КНР

ведет к постепенной ассимиляции диалектов общеупотребительным языком. Подобно национальным меньшинствам носители диалектов обязаны изучать путунхуа в средней школе и испытывают сложности при поступлении в вузы за пределами своего региона. Так же, как и представители национальных меньшинств, они обязаны подтверждать знание путунхуа при поступлении на работу в государственные органы. Все это создает ситуацию явного неравноправия между носителями мандаринского и других диалектов, которые по официальной точке зрения говорят на одном языке.

Из всего вышесказанного следует, что, хотя проблема лингвистических прав в западных странах утратила остроту, для Китая, языковая ситуация в котором очень специфична и может считаться проблемной, где процесс формирования законодательства в этой сфере еще не завершился, ее актуальность только возрастает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Клиновский В. А. Конституционный статус языка в Китайской Народной Республике // Российский юридический журнал. — 2014. — № 5. — С. 118—125.
2. Клиновский В. А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века : дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2012.
3. Смирнов Д. А. Китайские политологи о причинах распада СССР // Образ Китая в современной России. — М., 2007. — С. 297—302.
4. Dwyer Arianne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. — Washington, 2005.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2017 г.

FORMATION OF THE INSTITUTE OF LINGUISTIC RIGHTS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

KLINOVSKIY Vladimir Aleksandrovich — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of History and Regional Studies of the East Asian Institute, Buryat State University
klyn87@mail.ru
670000, Russia, Ulan-Ude, ul. Sukhe-Batora, 7

Abstract. The article describes the process of the formation of the legislative base of the People's Republic of China in the sphere of regulation of the linguistic relations and analyses the main problems related to the protection of linguistic rights. The context of this research is the history of the concept of linguistic rights at the international level in the 1990s. The author analyzes the main international legal instruments containing appropriate rules. By means of continuous sampling in the main part of the article the author studies the existing legislation of China that this or that way govern the linguistic situation and the status of the languages. Based on this analysis the author concludes that there is a lack of elaboration and definition standards contained the legislation.

Following the example of inter-ethnic conflicts, the author shows how technologies of implementation language legislation create obstacles in establishing relations with national minorities, forcing them to consider their rights infringed.

As a specific problem of linguistic relations in China, the article highlights the issue of the status of the dialects of the Chinese language. The study of the collected regulatory material shows that the unequal status of the language and dialects is leading to practical inequality of citizens of the country.

In general, the comparison of the protection of linguistic rights in Europe and China suggests that while in the West the wide interest fades away, in China it continues to gain relevance.

Keywords: China, People's Republic of China, human rights, linguistic rights, language policy, constitutional law, international law.

REFERENCES

1. *Klinovskiy, V.A.* Constitutional Status of the Language in the People's Republic of China // Russian Juridical Journal. 2014. No.5. - P. 118-125.
2. *Klinovskiy, V.A.* Language Policy in the People's Republic of China in the Second Half of the 20th Century: Candidate Degree Thesis (Historical Sciences). Ulan-Ude, 2012.
3. *Smirnov, D.A.* Chinese Political Scientists on the Causes for the USSR Collapse // Image of China in Modern Russia. M., 2007. - P. 297-302.
4. *Dwyer, Arianne M.* The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington, 2005.